

Этьен Авенар

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ КРОВАВОГО ИМПЕРАТОРА

RUGRAM

Издатель Иванов В. Ю.
2022

УДК 93/94
ББК 63.3
А19

Текст печатается по изданию:

Авенар, Этьен. Кровавое воскресенье: (9-е января 1905 г.) Пер. с франц. /
Под ред. [и с заключением] А. Сухова. — Харьков: Гос. изд-во Украины, 1925.

Авенар, Э.

А19 Кровавое воскресенье кровавого императора / Э. Авенар. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 216 с. — (Исследования мировой истории).

ISBN 978-5-521-89929-6

Книга французского журналиста, корреспондента газеты «Юманите» Этьена Авенара (1873–1952), непосредственного свидетеля Первой русской революции (в том числе и Кровавого воскресения) о событиях в Петербурге 9 января 1905 года.

День 9 января 1905 года является особенным днем в истории России, это «черный» день России, ее «кровавое воскресение», ставшее таким благодаря расстрелу царем Николаем Вторым в 1905 году мирной демонстрации граждан Петербурга, идущих с петицией к самому царю и встреченных на дворцовой площади винтовочными и пулеметными пулями вооруженных царских солдат.

В приложении приводятся свидетельства современников и архивные документы о событиях этого трагического дня.

BIC HB
BISACHIS032000

ISBN 978-5-521-89929-6

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ЭТЬЕН АВЕНАР

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ КРОВАВОГО ИМПЕРАТОРА

Часть I. Либерально-конституционное движение

На русской границе

Вержболово, пятница 19 ноября (2 дек.) 1904 г

«Пока в России не будет конституции, я туда ни ногой», – часто говаривал я моим русским друзьям. «Пора», – сказал мне недавно один из них, – «вы приедете, может быть, вовремя, чтобы присутствовать при ее рождении».

Вот почему я нахожусь сейчас в поезде, между Эйдкуненом и Вержболовым, пограничными станциями, немецкой и русской, на магистрали, соединяющей Париж и Петербург. Нигде не останавливаясь, я пересекаю Германию во всю ее длину, от Вестфальских равнин до равнин восточной Пруссии: все та же плоская земля, предтеча великой русской равнины. Какой-то петербургский коммерсант, болтливый, но добродушный немец, возвращающийся из Берлина, куда он ездил по делам, убеждает меня попристальнее глядеть в окна вагона, чтобы увидеть ручеек, служащий в этом месте границей. Говорят, это вызывает некоторое волнение. Однако ночь так черна, что мы не видим ручейка.

Появление контролера, проверяющего билеты, прерывает нашу беседу. Он берет у нас все наши газеты и журналы, разбросанные по скамейкам вагона. Их нельзя брать с собой в Россию. Итак, мне приходится оставить здесь все периодические издания, которыми я запасаюсь: L'Humanite, Le Matin, L'Aurore, L'Europeen, Berliner Tageblatt, даже Le Temps, даже L'Echo de Paris.

Как раз номер «Юманитэ» содержит речь, которую Анатоль Франс произнес в Трокадеро; конец ее несколько не похож на восхваление царизма. А «Парижское Эхо»? – Оно как раз печатает недавние знаменитые

резолуции съезда земцев в Петербурге. Это не менее опасно, чем речь Ан. Франса. Что касается «Берлинер Тагеблатт», то эта газета рассказывает на первой же странице о скандале в Михайловском театре, где публика освистала и оскорбила прима-балерину Балетту, и описывает, как великий князь Алексей, приняв мужественно – и не без основания – на свой счет эти свистки и ругательства, должен был улизнуть из ложи, где он не чувствовал себя в полной безопасности. Нечего и думать провезти этот номер газеты. Решительно все начинает мне казаться опасным. Невозможно преодолеть чувства некоторого инстинктивного недоверия и понятного беспокойства, когда въезжаешь в эту страну. Будем благо-разумны. Только что, переезжая через пограничный ручеек, я еще не чувствовал себя в России; теперь лишь у меня такое впечатление, что я действительно приехал...

Вержболово. Таможенный досмотр, дело мне уже известное. Проверка паспортов, дело для меня новое. Носильщики в белых передниках и круглых, черных шапках, с бледными лицами и робким видом вошли в вагоны и почти без слова, без жеста унесли наш багаж в залу таможи. При входе жандармы отбирают паспорта. Зала залита волнами электрического света; длинные прилавки, на которых мы распаковываем и раскладываем наш багаж. Армия носильщиков роется в нем под бдительным оком чиновников таможи. У меня имеется кожаный портфель с моими рукописями; я очень беспокоюсь за его участь. Я знаю: их рассмотрит цензура и возвратит мне в Петербурге, если, конечно, они не содержат ничего подозрительного. Мой немец уверяет, что мне нечего бояться. Я все же опасуюсь...

И совершенно напрасно! Ни досмотрщики, ни чиновники не хотят замечать моего портфеля, который, однако, что называется, прямо лезет им в глаза. Мне объясняют: «Тут нет ничего удивительного. В последнее время правила здесь не слишком строго соблюдаются». И чтобы объяснить мою удачу причинами общего характера, я вспоминаю, что говорит пресса о русских делах: уже три месяца, как здесь веет некий дух либерализма и всюду вызывает благотельные последствия. В таможе, как и в других местах, разумеется.

Вот, однако, две сцены, от которых мне становится снова не по себе. Рядом со мною человек от 55 до 60 лет, с пергаментным лицом, с густою бородой: у него что-то неладно с паспортом и багажом. Ему предлагают следовать за жандармом, и я вижу, как он возвращается тем же путем, каким мы прибыли. Ему не придется сесть в петербургский поезд. «У кого паспорт не в порядке, должен вернуться назад», – говорит мой чичероне, – «и германский поезд, который доставил нас сюда, ждет на вокзале для приема таких обратных пассажиров».

В той же зале, в то же время – другая сцена: посредине стоит большой стол, а вокруг него таможенное начальство, жандармские офицеры. Среди них я узнаю одного путешественника, которого я уже заметил в поезде: он улыбается, переходит от одного жандарма и таможенника к другому, хлопает их фамильярно по плечу. Он русский; я вижу это по его внешности, манерам, разговору. Несомненно также, что это не простой смертный: в германском поезде он отправлялся торжественно в вагон-ресторан два часа спустя после общего обеда, чтобы избежать нежелательного соприкосновения с другими путешественниками; мы наблюдали, как он шествовал туда с достоинством в сопровождении почтительно изгибающегося, худощавого секретаря. Вот он теперь разговаривает с властями. Его багаж, разумеется, избавлен от досмотра. Паспорта с него тоже не спросят: знают, с кем имеют дело. Еще одна подробность, которую я как-то не заметил в поезде: этот важный господин – кавалер ордена Почетного Легиона.

Два веса, две меры: гнет и фаворитизм; и то и другое, должен признаться, практикуется открыто. Подводя итог, скажу, что со мною лично, не в пример другим, обошлись довольно справедливо; по недосмотру, может быть, или, как мне объясняли, вследствие временного ослабления административных строгостей.

Прибытие

Петербург, суббота 20 ноября (3 декабря).

Я приехал в Петербург вечером на расположенный вдали от центра Варшавский вокзал. Во время переезда с вокзала в гостиницу я узнаю, что сегодня вечером состоится банкет писателей. На нем должны присутствовать Максим Горький и Леонид Андреев. Вечер будет носить характер политический и, наверное, произведет громадное впечатление. Для меня большое огорчение, что я не могу там быть. Завтра, однако, я надеюсь вознаградить себя за это лишение, отправившись собирать сведения.

Банкет писателей

Петербург, воскр. 21 ноября (4 декабря).

Сегодня только и говорят, что о вчерашнем собрании. Этот банкет писателей, говоря точнее, был банкетом «представителей интеллигентных профессий». Слова «собрание», «заседание» пугают немного правительство, и оно пришло сейчас с обществом к некоему молчаливому соглашению, которое, как кажется, удовлетворяет обе стороны; правительство хочет соблюсти внешность, общество требует,

чтобы можно было свободно высказаться. Средство к тому – банкеты. «Главное – столкнуться», – говорю я, – «дела идут, мне кажется, на лад». «Да», – отвечает мне либерал из оптимистов, – «дела идут так хорошо, что мы верим в ближайший успех наших требований, раз мы имеем возможность их высказывать. Вам известны решения, к которым пришли земцы. Вчерашнее собрание повторило их с еще большей смелостью. Предметом вчерашнего торжества было, как вы знаете, празднование сорокалетней годовщины со дня введения Судебных реформ Александра II».

Вчерашнее собрание выставило следующие требования:

1. Гарантия для всех граждан основных и неотъемлемых прав: неприкосновенности личности, свободы совести, слова, прессы, собраний и союзов.

2. Равенство всех перед законом, независимо от общественного положения, национальности и религии.

3. Участие свободно избранных представителей народа в создании законов и в утверждении бюджета.

4. Ответственность министров перед собранием этих представителей.

То обстоятельство, что эти резолюции свидетельствуют о полнейшем единодушии представителей интеллигентных профессий и земцев, дает им неоспоримое значение. Они подписаны 676 участниками банкета, среди которых находятся люди с самыми блестящими, самыми известными именами русской современной литературы и общественной мысли: Леонид Андреев, Анненский, Богданович, Ватсон, Венгеров, Бердяев, Максим Горький, Короленко, Мережковский, Миклашевский, Минский, Острогорский, Прокопович, Тан, Турчанинов, Якубович; много профессоров, врачей, адвокатов, инженеров и т. д. Председательствовал Владимир Короленко. Все эти обстоятельства, понятно, еще больше подчеркивают характер этой манифестации. Внушительная для самих присутствующих, она и в публике произвела сенсацию; она, несомненно, является поддержкой либеральной политики министра внутренних дел (Святополка-Мирского). Впечатление от этого банкета будет во сто крат сильнее, когда станут известными резолюции, вотированные на других банкетах, организованных по тому же поводу во всех крупных провинциальных городах.

Этот оптимизм меня обнадежил. У меня не было другого желания, как присутствовать при полном расцвете этой знаменитой весны, о которой мне твердят со всех сторон, указывая на ее первые

благодетельные результаты. В своих мечтах я готов был уже видеть русскую революцию, начинающуюся праздником Федерации¹.

Однако, сам того, не желая и к своему великому огорчению, я встретил в тот же день неизбежного либерала из категории пессимистов и скептиков, который мне сказал: «Весна? Полноте! Подождите, по крайней мере, чтобы показались хоть какие-нибудь ростки. Давно мы сеем, а что мы пожали до сих пор? У нас в России бывают такие заморозки весной, которые губят все. Сейчас мы много шумим по поводу собраний, по поводу резолюций представителей земств². Вспомните, однако. Съезд земцев должен был иметь характер официальный, но не имел его. Резолюции должны были быть представлены императору; они ему представлены не были. Скажу больше: если бы они и были ему представлены, на них не получилось бы никакого ответа. Все, чего мы достигли за последние три месяца, так это того, что нам стало легче дышать, а получив возможность дышать, мы можем возвысить голос. Но, уверяю вас, мы еще недостаточно громко говорим, чтобы быть услышанными. И даже эти относительно лучшие условия нашей жизни добыты не нами, либералами. Мы радуемся, что у нас князь Святополк-Мирский министром внутренних дел, но у нас он есть потому только, что социалисты-революционеры избавили нас в июле от зловещего Плеве и что бомба, которая его убила, оставила в высших сферах внушительные и поучительные воспоминания. Мы радуемся дарованному нам подобию свободы, однако без наших невольных и неизвестных дальневосточных друзей, без гибели порт-артурского флота, без ляоянского поражения мы были бы столь же безмолвны, как и бессильны. Сейчас мы уже не немые; вы могли в этом убедиться, но ничто еще не доказывает, что мы сильны».

Адвокаты

Петербург, вторник 23 ноября (6 декабря).

Сегодня говорят уже не только о банкете писателей. Третьего дня в здании Судебных установлений должны были собраться адвокаты, чтобы отпраздновать годовщину Судебной реформы 1864 года. Но двери здания оказались запертыми. Председатель Совета присяжных

¹ Автор думает о празднике 14 июля 1790 г. на Марсовом поле в Париже в день первой годовщины взятия Бастилии. Здесь присутствовала масса народа из всех департаментов Франции, войска, двор, духовенство. И народ, и король клялись друг другу в верности. Впрочем, и этот праздник примирения и любви был кануном кровавых боев между монархией и восставшей нацией. *Прим. ред.*

² 6-го ноября. Смотри введение. *Прим. ред.*

поверенных, Турчанинов, получил от прокурора Судебной палаты письмо, где этот последний заявлял, что цель собрания не соответствует зданию.

Разумеется, адвокаты протестовали, и весьма энергично. В час дня перед зданием Судебных установлений их собралось человек четыреста. Кто-то предложил устроить заседание в Городской Думе, куда все и направились³. Заседание было весьма бурное. Турчанинов заявил, что в качестве председателя Совета присяжных поверенных он не может в таких условиях признать настоящее собрание законным, а затем удалился. Адвокаты остаются и выносят резолюцию, в которой констатируют, что им невозможно официально отпраздновать сорокалетие великой Судебной реформы. Они постановляют выразить прокурору Судебной палаты свое негодование и принести на него жалобу. Наконец, они присоединяются к представителям земств, требуя гарантий гражданской и политической свободы.

Я подозреваю, что адвокатура представляет наиболее активный элемент партии либералов. И невольно я думаю о роли, которую играли адвокаты в первые годы французской революции, в эпоху, когда так же, как и теперь, речь шла о том, чтобы вырвать конституцию у абсолютной монархии. К тому же, как мне говорят не без лукавства, адвокаты наиболее заинтересованы в осуществлении конституционного режима: терять им нечего⁴, а выиграть можно очень много.

Из телеграмм и писем стало известным, что во всех частях империи годовщина Судебной реформы была отпразднована банкетами, что эти торжества приняли повсюду характер политический и что везде были вынесены резолюции, аналогичные резолюциям, принятым земцами. В Москве собрание было особенно многочисленно, и ораторы весьма смелы. Один из университетских профессоров сделал краткий исторический обзор Судебной реформы. Он указал на возмутительную роль Муравьева, министра юстиции, который, будучи сначала защитником и сторонником уставов 1864 года, впоследствии их систематически нарушал, искажал, изменял. Характерная подробность: один из членов организационного комитета банкетов (при московской земской управе)

³ Это шествие адвокатов было довольно юмористически описано в одном из тогдашних листов. Полиция наблюдала процессию хорошо одетых, откормленных людей с тревожным недоумением, задавая себе знаменитый гамлетовский вопрос «быть или не быть?» в привычной для нее постановке: «бить или не бить?» С рабочими или даже со студентами она не колебалась бы. Тем временем адвокаты, чувствуя себя героями и почти революционерами, благополучно дошли до думы. *Прим. ред.*

⁴ Это «ничего» великолепно. Адвокатам при старом режиме жилось весьма неплохо. *Прим. ред.*

произнес такую сильную речь, что каждая его фраза была покрыта аплодисментами – ораторский успех, в России весьма редкий.

Я узнал также, что две недели тому назад, когда Святополк-Мирский объявил представителям земств, собравшимся в Петербурге, что их съезд не может считаться официальным, более ста присяжных поверенных округа Московской Судебной палаты собрались под председательством Манделъштама и отправили собранию земцев декларацию с требованиями конституции и свобод.

Все эти новости произвели на меня сильное впечатление. Я нарочно пошел повидать моего позавчерашнего либерала-пессимиста, чтобы с ним поквитаться и убедить кстати самого себя. В разговоре с ним я настаиваю на значительности полученных из провинции новостей. Он обо всем осведомлен не хуже, пожалуй, даже лучше меня. Он, например, рассказывает, что в Одессе и Нижнем Новгороде в субботу состоялись банкеты либералов, и что явившиеся туда делегаты рабочей партии были приняты с энтузиазмом, причем ораторы требовали свободы стачек. В Саратове состоялись два банкета: один – дворянства, другой – социал-демократов и социалистов-революционеров. Участники этого последнего банкета послали дворянам делегацию, чтобы сообщить им принятые резолюции, и дворяне в свою очередь восторженно присоединились к этим резолюциям.

«Возможно ли», – говорю я, – «чтобы правительство могло противостоять всеобщему, усиливающемуся с каждым днем давлению общественного мнения?»

«К несчастью», – отвечает он мне, – «наше правительство не слишком чувствительно к этому давлению. У него есть старые аристократические предрассудки, от которых оно не может отделаться. Оно не любит, когда на него насаждают. Оно дарует не то, что у него требуют, а то, что ему угодно дать, и когда это ему угодно. Нельзя сказать, чтобы оно нам никогда не делало сюрпризов, и было бы несправедливо с нашей стороны жаловаться. Вспомните манифест 11 (24) августа по поводу рождения царевича: какие великие и богатые милости получили мы тогда! Сложение с крестьян недоимок по выкупным платежам, отмена наказания кнутом, обещание прощения политическим осужденным и эмигрантам в том случае, если они раскаются и отрекутся от своих заблуждений – чего там только не было! Правда, смешно было рассчитывать на поступление этих знаменитых недоимок, что же касается наказания кнутом, то его уже давно не применяют на практике⁵, и отмена имеет бумажный характер. А по поводу прощения – в виде награды

⁵ Заменив с успехом розгами. *Прим. ред.*

за раскаяние, – мы можем лишь восхищаться этой великодушной мерой, в особенности, когда применение ее зависит от произвола министров и губернаторов. Мы, видите ли, даже и не мечтали никогда о подобных подарках по поводу счастливого рождения наследника. Мы ждали совсем другого. Теперь мы требуем конституции; что касается меня, я убежден, что именно поэтому-то мы получим нечто совсем иное. Царь захочет еще раз нас удивить: ее-то именно он нам не даст!»

Ясно, что подобные речи не в состоянии ни подогреть, ни подержать восторженного настроения.

Петербург, понедельник 29 ноября (12 декабря).

Сегодня общественное возмущение доходит до своего апогея под влиянием вчерашних кровавых событий. Уже целую неделю говорили о социал-демократической демонстрации, назначенной на воскресенье, но слухи ходили самые противоречивые. В последний момент, в субботу, казалось, что демонстрация не состоится. В воскресенье утром градоначальник предупреждал, однако, публику в объявлении, напечатанном крупным шрифтом на первой странице больших газет, что на после-обеда назначена демонстрация, и что публика поступит благоразумно, воздерживаясь от всякого в ней участия, ибо полиция прибегнет «к законным мерам», чтобы восстановить порядок. Несмотря на это, около полудня на Невском собралась большая толпа, в особенности на Казанской площади, центральном пункте Петербурга. Меры, принятые полицией, делают весьма затруднительным даже сегодня восстановить точно картину того, что произошло.

Наиболее точные сведения, собранные мной, были мне представлены очевидцем. Благодаря своей профессии (он доктор) и экипажу, он мог несколько раз в течение после-обеда проникнуть за полицейские оцепления, непроницаемые для публики. Вот что видел этот свидетель: выходя в час дня после завтрака от своих знакомых, живущих недалеко от Казанской площади, он заметил казаков, атаковавших толпу. Быстрым обходным движением они окружили одну группу людей, которые и были арестованы; среди них было много студентов, но также немало рабочих Александро-Невского фабрично-заводского района. Таким образом,

Демонстрация 28-го ноября

Эту демонстрацию организовали большевики. Меньшевики высказывались против, считая, что приготовления к ней начались слишком поздно и что рабочие кварталы не успеют даже получить в достаточном количестве прокламаций с призывами. Однако, как правильно подчеркивает Авенар, на Невском вместе со студентами оказалось немало рабочих из-за Александро-Невской заставы, то есть из района, самого отдаленного от центра города.

Прим. ред.